

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке

Леонид Леонидович ФИТУНИ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: africa.institute@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5416-6709

ЦИТИРОВАНИЕ: Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Статья поступила в редакцию 10.08.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2019 год № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», Подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

АННОТАЦИЯ. *Статья исследует гипотезу о постепенной трансформации мироустройства в состояние в новой биполярности в результате обостряющейся геоэкономической и геополитической конфронтации двух доминирующих в мире полюсов – США и Китая. Необиполярную модель мироустройства еще нельзя рассматривать в качестве утвердившегося мирового порядка, но очевидны признаки движения мировой экономики и международных отношений в этом направлении. В разных регионах мира новая биполярная конфронтация проявляется с различной интенсивностью. Автор считает, что в настоящее время стратегически важные с точки зрения перспектив биполярно-*

го противостояния периферийные регионы становятся тестовой площадкой для относительно безопасной отработки методик и тактик геоэкономического соперничества и взаимного обмена системными ударами. На сегодняшний день в числе театров необиполярной конфронтации, возможно, ведущим является Африка. Статья анализирует причины этого, а также конкретные экономические, военно-стратегические и идейно-политические аспекты соперничества США и КНР на африканском континенте. Под углом геополитического и геоэкономического соперничества дан сравнительный анализ принятых в конце 2018 г. новых африканских стратегий двух сверхдержав. Ав-

тор приходит к выводу, что в контексте нарождающейся глобальной биполярности стратегии США и Китая являются антагонистическими программами, основанными на принципиально разных исходных посылах. В стратегии США это – не допустить распространение влияния конкурента с помощью жестких, в том числе силовых (но не обязательно военно-конфронтационных) действий. У КНР это – в условиях минимального выхода на прямую конфронтацию нейтрализовать противодействие США и их союзников расширению позиций Пекина на континенте и свободе взаимодействия с любыми партнёрами в Африке. Как следствие, несмотря на внешнюю «периферийность» конфронтации на континенте, для окончательного оформления небиполярного миропорядка широковещательное анонсирование новой региональной геополитической стратегии США, во главу угла которой поставлено отбрасывание Китая во имя защиты демократии и независимости, может послужить не только для Африки, но и для всей планеты таким же рубежным сигналом, что и Фултонская речь Черчилля для окончательного оформления биполярности в послевоенном мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *новая биполярность, небиполярный миропорядок, мировая экономика, теория международных отношений, политология международных отношений, геостратегическое соперничество, Африка, США, Китай*

К концу второго десятилетия XXI в. торная дорога эволюции мироустройства, которая, как казалось, вела гло-

бальную систему от монополярности к полицентричности, неожиданно вышла к точке бифуркации. От нее трансформационные процессы в мировой экономике и политике равновероятно способны продолжить движение как в направлении многополярного мира, так и в сторону новой биполярности¹.

В пользу первой возможности говорит продолжающееся, несмотря на трудности роста, устойчивое возрастание в мировой экономике и политике роли крупных стран с большим населением – Китая, Индии, России, Бразилии, Мексики, Индонезии и др. – на фоне зримого ослабления позиций «золотого миллиарда» – развитых стран условного Запада, главного бенефициара существующего миропорядка во главе с США.

Строение новой биполярности

Суммарная доля развитых стран Северной Америки, Западной Европы, Японии, Австралии и Новой Зеландии в мировом ВВП в настоящее время колеблется, в зависимости от конъюнктуры мировых цен на сырье и активности на мировых финансовых рынках, между 43 и 45%. Доли США и Китая составляют по текущему валютному курсу 24 и 15% соответственно, а по паритету покупательной способности (ППС) – 15 и 18% [IMF WEO 2019]. По оценкам ОЭСР, к 2030 г. доля КНР вырастет до 27% в пересчете к текущему курсу доллара 2010 г. Доля США при сохранении современных тенденций может понизиться до 15–17% и даже больше [Guillemette, Turner 2018, p. 8].

¹ Объективности ради следует признать, что потенциальная вероятность сохранения или «возврата» к «обновленной» монополярности в виде американоцентричного мироустройства, поддерживаемого жестким диктатом США в отношении союзников и мощью военной угрозы в отношении других конкурирующих центров, также существует. Однако, на наш взгляд, шансы на длительное и устойчивое сохранение именно такого миропорядка невелики.

Китай, несмотря на объективные и искусственные препятствия, последовательно отвоевывает себе позиции ведущей экономики мира. Страна не только обошла США по объему ВВП по паритету покупательной способности. Доля США и Китая в мировом экспорте примерно одинакова (около 11%), но, по оценкам ЮНКТАД и Всемирного банка, КНР с 2017 г. держится примерно на полпроцента впереди. Китай ныне опережает США в секторе реального производства и в мировом экспорте реального товара. Критический рубеж преодолен в принципиально важной для оценки качества экономического роста области – в сфере инноваций. В 2017 г. 43,6% патентных заявок в мире были поданы в одном только Китае, главным образом китайскими резидентами, за ним с большим отставанием шли США (19,2%), Япония (10,1%), Южная Корея (6,5%) и Европейское патентное ведомство ЕС (5,3%) [WIPO IP 2018, p. 11]. В ряде секторов научно-технологического развития (например, масштабное промышленное производство и международная коммерциализация продуктов для сетей 5g, горношахтные и проходческие технологии, скоростное магистральное локомотивостроение) Китай уже опережает США.

Перераспределение экономического баланса сил в мире ожидаемо привело к росту протекционизма, к тарифным войнам и использованию «отыгрывающейся стороной» санкционных инструментов и эмбарго в конкурентной борьбе. При этом, вопреки прежней практике и установившимся стереотипам, не Вашингтон, а Пекин выступает поборником либеральных подходов в международных экономических отношениях (в чем нередко находит со-

чувствие у некоторых европейских союзников Вашингтона), в то время как реальная политика Белого дома, несмотря на его риторику о защите свободы и справедливости, все более смещается в сторону протекционизма и приступов экономической агрессии. Биполярное расстройство в области идеологии и внешнеэкономической политики налицо.

Экономическая конкуренция между двумя странами перешла в геэкономическое соперничество, ибо она неизбежно требует и получает пространственное выражение. Она транслируется в географическую экспансию и проекцию экономической мощи каждой из держав на периферию. Сообразуясь со своим видением национальных интересов и собственного будущего, каждый из двух полюсов оформляющегося мироустройства стремится получить в распоряжение максимально возможный объем ресурсного потенциала планеты и мировых рынков. Цель – гарантировать укрепление, а еще лучше – рост глобальных позиций в дальнейшем.

Несмотря на разное обоснование своих стратегий (США, как правило, аргументируют свои усилия борьбой за «демократический и либеральный миропорядок, основанный на правилах», а КНР – стремлением к установлению всеобщих «взаимовыигрышных» отношений по принципу *win-win*²). Оба полюса последовательно борются за лидирующие и/или доминирующие экономические и политические позиции в различных регионах и в мире в целом, более значимые, чем позиции прочих держав.

В этих условиях противостояние США – Китай, в которое Белый дом пытается встроить опасно колеблющу-

2 Концепция win-win предполагает взаимно гарантированный выигрыш для всех участвующих сторон.

юся «единую» Европу, приобретает новое качество. *«Антикитайская линия» все более превращается в организующий принцип американской экономической, политической и военно-стратегической линии не только в двусторонних взаимоотношениях Вашингтона и Пекина, но и во всем мире.* Появляется все больше признаков, что зыбкие пока черты небиполярности будущего могут быть отягощены, помимо экономического и идеологического противостояния, междоцивилизационным конфликтом и даже расовыми предрассудками.

О последних свидетельствует оценка особенностей американо-китайского глобального соперничества директором отдела политического планирования Государственного департамента США Кирон Скиннер³, которая видит в биполярном противоборстве с Пекином «схватку с по-настоящему чуждой цивилизацией и чуждой идеологией, то, с чем США ранее не сталкивались». Она видит новое качество грядущей биполярности в том, что «США впервые приходится иметь в качестве соперника великую державу, которая не принадлежит к белой (Caucasian) расе»⁴.

Подобная постановка вопроса, необычная для последних политкорректных десятилетий, делает актуальным и даже необходимым рассмотрение обозначенного официальным лицом вашингтонской администрации аспекта глобальной соперничества двух полюсов потенциальной небиполярности и предполагаемого места, выражаясь словами высокопоставленного представителя вашингтонской администрации, «небелых» стран в новом миропорядке.

Геоэкономическая «игра престолов»

Итак, геоэкономическая «игра престолов» уже началась. В нее, нередко помимо воли, вовлечены не только два мировых экономических лидера – США и КНР, – но и другие государства, которые, возможно, в идеале хотели бы сохранить в этой схватке нейтралитет. Театром военных действий (ТВД) экономической войны является весь мир. При этом отдельные стратегически ценные фланговые регионы, вроде Африки, становятся, с точки зрения перспектив борьбы, важной (а на сегодняшний день едва ли не ведущей) тестовой площадкой для относительно безопасной отработки методик и тактик геоэкономического соперничества и взаимного обмена системными ударами.

Системными мы их считаем потому, что, в отличие от многих других регионов, для их осуществления на Черном континенте обоими полюсами разработаны комплексные стратегии, касающиеся не отдельных секторов или направлений (экономического, политического, идейного, военного, культурного), а всех вместе, в их взаимосвязи и синергетической ценности.

Если формулировать коротко, то Африка для обоих полюсов важна и стала ареной обостренного соперничества по трем причинам:

- а) *из-за своей ресурсной уникальности;*
- б) *из-за новой геостратегической значимости* (она одновременно природный барьер/мост между Евро-Атлантической и Индо-Тихоокеанской зонами стратегических интересов США

³ Financial Times, June 5, 2019, p. 9.

⁴ Дословно в оригинале: «...the first time that we will have a great power competitor that is not Caucasian» – цит. по: Financial Times. 5 June 2019, p. 9.

и южный портал входа в Европу в рамках проекта «Один пояс – один путь»);

и наконец, в) как *мощный инструмент глобального политического маневрирования и транслирования на мировое сообщество собственных решений* (голоса 55 стран континента – важный фактор, формирующий интернациональную поддержку на дипломатической арене и глобальное общественное мнение).

Кроме того, как для Китая, так и для США «африканское подбрюшье» – мощнейший инструмент влияния на Европу, для которой особые отношения с Африкой – один из последних аргументов в пользу тающего «глобального влияния» Старого света, а парадигмы экономических отношений с бывшими колониями – все еще немаловажный источник благосостояния его среднего класса.

Почему же все-таки именно Африка стала одним из первых геоэкономических ТВД столкновения двух гегемонов надвигающегося мироустройства? Начнем с малоутешительного напоминания о том, что с исторической точки зрения обострение конфронтации в Африке между претендентами на мировое лидерство – рутина последних полутора веков. Общим мировым войнам и концу холодной войны предшествовали ожесточенные столкновения интересов тогдашних сверхдержав и их прокси-войны в Африке.

Конечно, у сегодняшней ситуации, как и у каждой из предшествующих, есть свои особенности. Нынешние связаны с ростом начиная с конца XX и особенно в XXI в. глобальной геоэкономической значимости африканского региона. О причинах возрастания его важности для мировой экономики и глобального баланса сил автор достаточно подробно писал в ряде предшествующих работ [Fituni 1989; Фитуни 2012; Фитуни 2017; Абрамова, Фитуни 2017; Абрамова, Фитуни 2018; Абрамова,

Фитуни 2016]. В самом сжатом изложении они сводятся к следующему.

1. С начала века фиксируется исторически беспрецедентно длительный период реального экономического роста на континенте. С 2001 г. по сей день, несмотря на порой существенные колебания, среднегодовые темпы прироста ВВП (около 4,5%) превышают среднемировые, что, по крайней мере чисто математически, должно означать, что экономическое отставание континента пусть медленно, но сокращается, а существенная часть населения становится более зажиточной.

2. Африка – один из немногих регионов планеты со все еще относительно слабо изученным и мало освоенным природно-сырьевым потенциалом, который, что особенно важно, остается доступным для внешних игроков. Глобализация и научно-технический прогресс создали необходимые условия для более полного раскрытия этого потенциала и интеграции его в существующие цепочки добавленной стоимости. Для этого необходимы не только технико-экономические условия (в первую очередь инфраструктура), но и соответствующие социально-политические конструкты, обеспечивающие заинтересованность африканских стран и самих африканцев (по крайней мере, элит) в участии в уже начавшихся процессах формирования нового мирового порядка на предлагаемых условиях.

3. Важнейшим фактором роста являются демографические процессы, создающие возможность ускорить развитие континента за счет так называемого демографического дивиденда. В пользу этого будут работать:

а) рост населения Африки и связанное с ним повышение удельного веса африканцев в общей численности населения планеты, по прогнозу ООН – более 40% мирового населения к 2099 г. [World Population Prospects 2019];

б) преобладание в составе населения молодых возрастных когорт;

в) «улучшение качества» трудовых ресурсов (повышение доли образованного населения и квалифицированных кадров различного уровня).

4. Ожидается, что происходящие процессы приведут к изменениям в социальной структуре. В первую очередь это урбанизация и ускоренный по сравнению с другими рост доли слоев, относящихся к среднему классу. В свою очередь, это будет влиять на масштабы и структуру складывающегося платежеспособного спроса и, по мере усиления этих процессов, на мировое производство и торговлю. Согласно подсчетам Гуверовского института (США), к 2050 г. наиболее богатые 10% африканцев (около 250 млн чел.) будут обеспечивать пятикратное увеличение спроса на потребительские товары и услуги по сравнению с сегодняшним днем⁵. Открывающиеся возможности заставят мировой бизнес соответственно адаптировать свои рыночные стратегии, характер производства и маркетинговые линейки.

Рост среднего класса неизбежно окажет определенное и, скорее всего, значимое влияние на идейно-духовное развитие общества, а при нужной корректировке извне – на формирование структуры моральных установок и ценностей, отвечающих замыслам архитекторов (гегемонов) нового миропорядка. *Необиполярность неотделима от активного социального конструктивизма и инжиниринга в зонах доминирования и проекции силы сверхдержав.*

5. Из всего изложенного можно сделать вывод о возрастании сравнительной геоэкономической и геополитической значимости Африки в глобальных масштабах. Как следствие, континент

требует повышенного внимания, что для ответственных политических игроков и держав, претендующих на роль лидеров нового мироустройства, предполагает выработку определенных *стратегий*, включающих системы стимулов и санкций («кнул и пряник») для африканских партнеров – как государств, так и негосударственных акторов, включая физических лиц.

Такие стратегии в отношении Африки у обеих держав – потенциальных лидеров будущего биполярного мироустройства имеются уже сравнительно долгое время. Они регулярно обновляются с учетом изменений в видении национальных интересов. Это свидетельствует о том, что внимание к континенту и понимание его перспективной значимости возникло не сегодня, а имеет долгосрочный, в буквальном смысле «стратегический» характер.

Двусторонняя сырьевая зависимость

Как будет показано ниже, господство в Африке оказалось важным предварительным условием для создания фундамента для будущего доминирования и лидерства в трех компонентах формируемого нового миропорядка: экономическом, военно-стратегическом и идейном (ролевом).

В экономическом плане сегодня обе страны, хотя и в разной степени, зависят от гарантированных поставок африканских сырьевых ресурсов. Доля Африки в китайском валовом импорте сырья, согласно открытой статистике, составляет минимум 15% [China Statistical Yearbook 2018]. Альтернативные подсчеты Центра стратегических

5 Goldstone J.A. (2019) Africa 2050: Demographic Truth and Consequences // Hoover Institution, January 14, 2019 // <https://www.hoover.org/research/africa-2050-demographic-truth-and-consequences>, дата обращения 31.08.2019.

и глобальных исследований Института Африки РАН, учитывающие кросс-проверки по «обратной» статистике экспорта африканских стран и результаты математического моделирования, говорят о том, что фактическая величина, видимо, ближе к 23%⁶. Это несколько выше доступных нам западных оценок (< 20%) (см., в частности, [Gamache, Hammer, Jones 2013; U.S. Geological Surveys 2015–2019; Brown et al. 2019]). При этом по ряду показателей (в основном, руды некоторых металлов и их концентраты) этот показатель в 2–3 раза выше.

У США доля ввоза сырья из стран Африки в общем импорте почти вдвое меньше. Но если учитывать продукцию африканского происхождения более высоких переделов, импортируемую из стран Европы и Азии, то показатель будет существенно выше. Например, в составе масштабного импорта некоторых видов стратегических металлов из Бельгии, Австрии, Франции и Китая в США поставляется не что иное как обработанное сырье, закупаемое/добываемое этими странами в Африке. Основной доход, конечно, оседает в стране, являющейся непосредственным экспортером, но с точки зрения исследуемого нами вопроса зависимости США от минеральной базы Африки это не принципиально.

По некоторым видам минерального сырья и та и другая супердержавы находятся в очень высокой степени зависимости от поставок непосредственно из Африки. Например, судя по открытой печати, в США 70% импорта кобальтового сырья поступает с Черного континента. Семь стран Африки являются для Вашингтона поставщиками «критически важных минералов» (американская

терминология) – минерального нетопливного сырья. Это ЮАР, ДРК, Руанда, Гвинея, Мозамбик, Марокко и Габон. Из этих стран США ввозят более половины своего годового импорта некоторых видов стратегических материалов, как достаточно распространенных, типа алюминиевого, марганцевого и фосфатного сырья, так и менее распространенных платины, алмазов и дефицитных – рублидия, индия, колтана, вольфрама, родия, рутения и др. Важным источником руд редкоземельных металлов является Бурунди, но на эту страну, в отличие от вышеперечисленных, приходится менее половины годовых поставок в США.

Известно, что Нигер находится на 4-м месте в мире по экспорту урановых руд и концентратов, а также экспортирует золото. Страна – значительный по африканским меркам торговый партнер США, но в публикуемой статистике США импорт из Нигера – примерно на сумму 25 млн долл. в год – проходит по специальной нераскрываемой товарной группе (*special other*).

Кроме того, из Африки в менее значительных для США, но важных для стран континента объемах ввозятся тропические породы древесины, какао-бобы, арахис и другая продукция сельского хозяйства⁷.

Торговое соперничество

Экспорт США в Африку в 2018 г. составил 26,1 млрд долларов, а импорт – 38,8 миллиардов. Таким образом дефицит торгового баланса превысил 9 млрд, а товарооборот был чуть менее 65 млрд долларов [Foreign Trade 2019].

6 Расхождения могут объясняться как существующими правилами публикации статистических данных по стратегическим видам сырья, так и особенностями отражения в африканской статистике экспорта в направлении китайских юрисдикций (включая специальные административные районы Гонконг и Макао, через которые осуществляется реэкспорт, и т.д.)

7 2018: U.S. Trade in Goods with Africa // <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0013.html>, дата обращения 31.03.2019.

Этот показатель ниже китайского почти в 2,8 раза. Ведущие партнеры ЮАР (оборот в 2017 г. – 13 млрд долл.), Нигерия – (9,3), Египет (7,5), Марокко, Алжир (по 4,9) и Ангола (3,4 млрд долл.)⁸.

С 2000 г. в отношении 40 стран Африки действует режим бесположенного ввоза их товаров в США в рамках программы AGOA. В 2015 г. ее действие продлено до 2025 г. Список стран, пользующихся привилегиями в рамках программы, пересматривается регулярно. Принципиально важными для получения льгот требованиями являются встречное предоставление благоприятных условий Соединенным Штатам для обеспечения их национальных интересов (прежде всего экономических, но не только), приверженность либеральным подходам в экономике, демократии и нормам надлежащего управления.

У Китая на африканские рынки приходится существенная доля от общемирового сбыта китайских товаров и услуг. Африка обеспечивает КНР необходимым минеральным и сельскохозяйственным сырьем. В Китай из Африки идет пятая часть импорта нефти. Поставляются также руды и концентраты черных, цветных и редких металлов, тропическая древесина и другие товары.

В 2018 г. товарооборот африкано-китайской торговли достиг 204,19 млрд долл. [China-Africa Cooperation in High-gear, Powering Global Growth 2019]. ЮАР поставляет и технологически сложную продукцию современного машиностроения. В 2017 г. товарооборот со странами Африки, согласно официальной статистике внешней торговли КНР, составил 170,6 млрд долл., в том числе экспорт – 94,7 млрд, а им-

порт – 75,9 млрд долл. Ведущими торговыми партнерами на континенте были ЮАР (оборот – 39,2 млрд долл.), Ангола (23), Нигерия (13,8), Египет (10,8), Алжир (9), Марокко (4,7 млрд долл.). На первые четыре страны приходится более половины торгового оборота Китая с континентом. При этом с Египтом и Нигерией у КНР в 2017 г. было положительное сальдо торгового баланса, а с ЮАР и Анголой – отрицательное [China Statistical Yearbook 2018].

Как мы видим, список приоритетных торговых партнеров в Африке у США и Китая совпадает. Довольно схожа и номенклатура импорта. Однако само по себе значение торговли со странами Африки для двух стран разное. У КНР торговля с Африкой – жизненно необходимое условие и составляющая устойчивого экономического роста. Для США торговля с Африкой не имеет такого макроэкономического значения, как для Китая. Однако, как показано выше, у Вашингтона существует «критическая зависимость» от поставок отдельных видов африканского сырья, без которого невозможно материально-техническое обеспечение военного могущества и технологического лидерства в мире. Помимо уже упомянутого кобальта (главные поставщики – ЮАР и ДРК), это руды и концентраты металлов платиновой группы (ЮАР), ниобия, вольфрама, тантала, ванадия (Руанда), тория (Намибия), титана (ЮАР, Мадагаскар, Мозамбик), циркония (ЮАР, Сенегал) и др.

Если ориентироваться на основную массу научных и политических публикаций, то создается впечатление, что из двух супердержав в области экономического взаимодействия с Африкой лидирует КНР. Но здесь крайне важен ряд

8 Africa // The Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/africa>, дата обращения 31.08.2019.

нюансов. Китай действительно опережает США и любую другую отдельно взятую страну «золотого миллиарда» по товарообороту со странами континента. Однако суммарно оборот торговли стран Запада и их инвестиции на континенте превышают китайские.

Компоненты стратегий: инвестиции и долг

США остается ведущей страной по накопленным прямым иностранным инвестициям в Африку – 54 млрд долл. на 1 января 2018 г. В одну только ЮАР инвестировали более 600 американских компаний [Schneidman, Wiegert 2018]. Инвестиции в довольно крупных объемах реализуются и в рамках разнообразных программ помощи.

Инвестиционная активность Китая на африканском континенте проявляется прежде всего в финансировании создания более 3000 в основном крупных инфраструктурных проектов и социально-значимых объектов. В период с 2000 по 2014 г. коммерческие кредиты правительствам африканских стран и государственным предприятиям достигли 86 млрд долл. США, что в среднем составляет около 6 млрд долл. в год. В 2018 г. вновь (как и в 2015 г.) заявлено о формировании Китаем \$60-миллиардного фонда сотрудничества, который структурирован следующим образом: 15 млрд долл. – гранты, беспроцентные и льготные кредиты, 20 млрд – кредитные линии, 10 млрд – на нужды Китайско-африканского фонда финансирования развития и 5 млрд на финансовую поддержку импорта африканских товаров [New Measures of the “Big Eight Actions” 2018].

Согласно исследованиям А. Эрреро и Цзяньвэй Сюй [Herrero, Jianwei Xu 2019], реальные инвестиции Китая в Африку намного меньше, чем пото-

ки, генерирующие внешнюю задолженность стран континента. Особенно это относится к проектному финансированию. Что касается китайских ПИИ, то они существенно отстают как от США, так и от ключевых европейских стран, прежде всего бывших колониальных метрополий. Накопленные ПИИ Великобритании и Франции в Африку все еще больше, чем у КНР.

По нашему мнению, распространяемый Западом нарратив, что сотрудничество с Китаем является «долговой ловушкой» для Африки, в большей степени пропагандистская уловка, чем аналитически выявленная специфика именно китайского подхода к инвестированию. Нарастание долговых обязательств – неизбежный спутник больших объемов экономического взаимодействия, основанного на деловых, а не идейных началах, а текущие объемы такого взаимодействия у КНР на порядок выше, чем у абсолютного большинства западных стран и просто существенно выше, чем у США.

О пропагандистской подоплеке обвинений говорит и сама структура африканского долга. Она свидетельствует, что отнюдь не КНР, а страны Запада в первую очередь ответственны за долговые проблемы континента. Из 54 стран континента КНР является главным кредитором только у трех: Республики Конго, Джибути и Замбии – стран с не самыми большими суммарными объемами внешнего долга в Африке. В составе общей задолженности Африки примерно 32% внешнего долга правительств африканских стран приходится на частных кредиторов, в основном из Северной Америки и ЕС, а 35% – на международные многосторонние институты и организации, такие как Всемирный банк, МВФ и только 20% причитается Китаю. Чего нельзя отрицать, так это того, что он является ведущим государственным креди-

тором стран Африки [Africa's Growing Debt Crisis 2018].

Тем не менее Пекин в последние годы активно стремится показать готовность облегчить бремя непогашенной задолженности для отдельных стран. Перед третьим саммитом китайско-африканского форума ФОСАС в 2018 г. в апреле была списана часть долгов Зимбабве, в августе – Ботсваны, в сентябре достигнута договоренность о реструктурировании долга Эфиопии.

Оценивая конкуренцию двух сверхдержав на экономическом направлении, можно констатировать, что до недавнего времени экономическое сотрудничество полюсов потенциальной биполярности с государствами Африки шло параллельными или почти не пересекающимися курсами, более или менее в рамках обычной деловой или ресурсной конкуренции с локальными победами и неудачами акторов в отдельных странах.

Назад к геополитике

С приходом к власти в Вашингтоне администрации Трампа геополитическое и геоэкономическое соперничество в Африке не просто усилилось. США демонстративно сделали ставку на противодействие влиянию Пекина на континенте, формально заложив это в свою стратегию на континенте. На рубеже 2018–2019 гг. проявились неоспоримые свидетельства того, что над экономическим соперничеством двух держав на континенте все более тяготеют политические и военно-стратегические соображения.

В недавно изданной книге «Джунгли возвращаются: Америка и наш мир под ударом» один из отцов проекта «Нового американского века» Роберт Каган, характеризуя современную эпоху силовой политики и соперничества

между державами, напоминающую межимпериалистические противоречия прошлого, пишет: «Если еще недавно многие верили в то, что геоэкономика пришла на смену геополитике, то сегодня на наших глазах мир возвращается в геополитику, очень схожую с той, что имела место в конце XIX и в XX веках» [Kagan 2018]. Эта оценка вполне применима к ситуации, складывающейся вокруг Африки.

Казавшиеся спорадическими шагами обеих держав на континенте, имевшие черты перспективного военно-стратегического прогнозирования и обустройства, приобрели системный и регулярный характер. У США к таким шагам можно отнести создание и усиление Африканского военного командования (AFRICOM) и опутывание континента сетью военных и военно-вспомогательных опорных пунктов. У Китая – развертывание военно-морской базы в Джибути, активное участие в миротворческих миссиях. Для той и другой державы это также особое внимание к «приоритетным» партнерам, не столь значимым экономически, но расположенным на ключевых геостратегических направлениях и в важных для национальных интересов каждой из сторон зонах континента. Возможно, именно этот сравнительно новый акцент в противостоянии потребовал от обоих государств подновления их африканских стратегий.

Новые акценты в китайской стратегии развития отношений с Африкой были обозначены во время встречи на высшем уровне Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОСАС) в Пекине в сентябре 2018 г. На ней были приняты два ключевых документа: «Пекинская декларация о построении более тесного китайско-африканского сообщества единой судьбы» [Beijing Declaration-Toward an Even Stronger China-Africa Community 2018] и «Пекин-

ский план действий Форума по китайско-африканскому сотрудничеству на 2019–2021 гг.» [China-Africa Cooperation Forum 2018]. Во взаимосвязи эти документы можно рассматривать в качестве базисных положений китайской среднесрочной стратегии в Африке. Упор делается на «восемь больших инициатив». Правда, на наш взгляд, их нельзя назвать чем-то абсолютно новым. Они скорее адаптация принципиальной стратегической линии КНР в Африке к условиям замедления глобализации и осложнения отношений с США.

В самом конце декабря 2018 г. помощник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон анонсировал запуск «Новой стратегии США в Африке». Как и в описанном выше случае с Китаем, нельзя сказать, что ее появление ознаменовало радикальный разворот в политике США на африканском фланге глобального соперничества сверхдержав. Документ скорее упорядочил назревшие ранее тенденции большей агрессивности Вашингтона на континенте и декларировал некоторые технологические новации в региональной политике Белого дома. Думается, что, как и в случае Пекина, речь идет о среднесрочном программном документе.

В контексте общей направленности усилий администрации на то, чтобы «снова сделать Америку великой», в фундамент отношений с Африкой закладывается защита американских интересов и безопасности в регионе и вокруг него, создание новых возможностей для американского бизнеса, что, по мнению разработчиков стратегии, явится условием для независимого, демократического и процветающего роста государств континента – естественно, в полном соответствии с американским видением этого процесса и «этическими стандартами американских программ развития».

Принципиально новым явилось открытое и широковещательное отождествление этих задач с противодействием влиянию Китая и России в регионе. Представляя новую стратегию, советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон так обобщал суть и задачи стратегии: «Наши конкуренты среди крупных держав, а именно Китай и Россия, стремительно расширяют свое финансовое и политическое влияние по всей Африке. Они агрессивно и намеренно нацеливают свои инвестиции на континенте так, чтобы добиться конкурентного преимущества над Соединенными Штатами» [Bolton 2018].

«Новый подход» к Африке по сути свелся к новому *походу* против геополитических конкурентов Вашингтона, который декларирует, что «уже видит вызывающие беспокойство последствия стремления Китая заполучить больше политической, экономической и военной власти... Такие хищнические действия являются составными компонентами более широких китайских стратегических инициатив, включая “Один пояс – один путь” – план развития ряда торговых путей, ведущих в Китай и из Китая, с конечной целью установить китайское глобальное доминирование» [Bolton 2018].

Четыре ячейки Болтона

Заложив геостратегические и геоэкономические критерии в основу своей политики на континенте, США выделили четыре приоритетные группы стран, значимых для целей сохранения не только *регионального*, но и *глобального* доминирования США. Первая группа включает полосу государств, лежащих в Северной и Восточной Африке, Они – наиболее ресурсно или инфраструктурно (геостратегически) значимая для

нынешней политики США часть континента. Североафриканская часть этой полосы важна тем, что фактически является южной границей НАТО в Средиземном море, а кроме того и главным на данный период резервуаром углеводородного сырья континента. Восточноафриканская часть, особенно Большой Африканский Рог, приобрела ключевое значение как протяженный стратегический плацдарм для геополитического влияния на успех (и для возможного контроля за реализацией) китайского проекта Нового шелкового пути, южная морская магистраль которого может быть перекрыта на юге и севере Красного моря.

Вторая приоритетная группа включает не зоны, а отдельные ключевые страны. Это африканские государства, выделенные (в зависимости от их влияния) в качестве потенциальных претендентов на роль региональных или субрегиональных «сверхдержав». Последние также иногда именуется субрегиональными «локомотивами развития», а иногда «субрегиональными гегемонами». Лидеры регионального (общафриканского) уровня – Нигерия и ЮАР. «Субрегиональные» – Алжир, ДРК, Сенегал, Эфиопия. Египет также ключевая страна, но традиционно рассматривается США в контексте их ближневосточной, а не африканской стратегии. С перечисленными странами-лидерами в рамках новой американской стратегии связываются задачи субрегионального плана, в основном относящиеся к вопросам безопасности, борьбы с терроризмом и мобилизации поддержки внешнеполитических инициатив США.

Третья группа стран представляет почти исключительно интерес, связанный с их природными ресурсами, значимыми для Вашингтона (не только с точки зрения покрытия внутренних потребностей США, но и в плане обе-

спечения потребностей союзников или манипулирования мировыми рынками стратегически важных видов сырья). Сюда, в частности, включены нефтедобывающие страны Гвинейского залива, упоминавшиеся выше страны, поставляющие «критически важные минералы», и некоторые другие (например, Ботсвана и Намибия).

К четвертой группе относятся все прочие страны Африки, по умолчанию оказывающиеся «неприоритетными».

Следует отметить, что принцип, заложенный в подходах к геополитической и геоэкономической приоритетности стран Африки, предполагает, что хотя сама «четырёхъячеечная структура» деления африканских государств остается неизменной, страны в ее рамках могут перемещаться в зависимости от текущих нужд политики США из одной группы в другую.

Интересным технологическим преимуществом такого подхода является определенная автоматизация процесса отделения наиболее значимых стран от остальных. Если страна по определению оказывается в двух или даже трех первых группах одновременно, то ее приоритетность автоматически резко возрастает, при определенных обстоятельствах превышая значение общерегиональных «сверхдержав» ЮАР и Нигерии. Наиболее свежим подобным примером является сильное повышение в 2019 г. внимания США к Алжиру и Эфиопии.

При этом не следует буквально воспринимать четыре категории как некий абсолютный рейтинг стран. Реальная политика США в отношении каждой из них исходит из конкретной ситуации или планов. В этом смысле отношения со страной-лидером в определенных условиях могут оказаться менее важными, чем риск неполучения стратегически важного сырья из страны «третьей группы» и т.п.

«Сдерживание через воспрещение»

В основе новой американской стратегии противодействия Китаю в Африке лежит, пользуясь военной терминологией, линия на «сдерживание через воспрещение» (*deterrence by denial*). Под этим понимается перекрытие (в терминологии военных – «воспрещение») для Китая не только возможностей к дальнейшему относительно «беспроblemному» укреплению позиций на континенте, но и к использованию этого для усиления глобального веса и влияния Пекина, как происходило при прежних администрациях США, не придававших соперничеству в данном регионе должного значения или просто не понимавших его глобальных последствий.

Одним из инструментов достижения этих целей избрана более уверенная милитаризация американской вовлеченности в дела континента. Быстрыми темпами идет «наземное» обустройство американских военных в регионе. Межвидовое Африканское командование вооруженных сил США (AFRICOM) сейчас официально насчитывает 7 тыс. военнослужащих. Кроме того, на территории континента США имеют почти 500 объектов и логистических пунктов военного назначения, или так называемых гражданских объектов, на которых, однако, размещены или заняты военнослужащие США. Наиболее известна военно-морская экспедиционная база США Лемоньер в Джибути, господствующая над южным проходом в Красное море. На ней на постоянной основе размещены, по официальным данным, око-

ло 4 тыс. американских военнослужащих. Формально она считается единственной постоянной военной базой США на африканском континенте (если не считать аннексированный у Маврикия архипелаг Чагос с крупнейшей в Индийском океане авиационной базой на острове Диего-Гарсия, на которой по имеющимся оценкам может находиться 3–4 тыс. военнослужащих и которая играет ключевую роль в проекции контроля США над всеми главными морскими транспортными коммуникациями Китая через Индийский океан в западном направлении).

Отдельного упоминания заслуживает база в Нигере. Утверждается, что в настоящее время это главная база американских дронов в Западной Африке. Ее существование долгое время замалчивалось, но в 2017 г. после понесенных США потерь в живой силе при столкновении с местными боевиками было предано огласке. Выяснилось, что военные спецподразделения США находятся там со времен президента Дж. Кеннеди [Snow 2017]. По официальной версии, «зеленые береты» заняты подготовкой военного персонала для Нигера. В 2018 г. по данным открытой печати в стране находилось 800 американских военнослужащих, часть из которых обслуживает американскую базу беспилотных летательных аппаратов, стоимость которой, как утверждается, превышает 110 млн долл. [Retriever 2017]. Формально США не называют объект своей базой, поскольку наряду с американским, над ним развивается флаг Нигера⁹.

В целом США осуществляют широкое сотрудничество с африканскими странами в области подготовки во-

9 US Builds Drone Base in Niger, Crossroads of Extremism Fight (2018) // The Military Times, April 23, 2018 // <https://www.militarytimes.com/unmanned/2018/04/23/us-builds-drone-base-in-niger-crossroads-of-extremism-fight>, дата обращения 31.08.2019.

енных элит и участвуют в миротворческих операциях. США являются ведущим спонсором миротворческих миссий ООН: в закончившемся фискальном году (1 июля 2018 – 30 июня 2019) они обеспечили почти треть их бюджета, составляющего 6,7 млрд долл. Дж. Болтон в декабре 2018 г. заявил, что США больше не будут поддерживать «непродуктивные, безуспешные и не имеющие должной подотчетности миротворческие миссии ООН»¹⁰. Китай же, наоборот, в 2019 г. заявил о намерении более активно участвовать в миротворческих миссиях в Африке.

Об остроте и видении перспектив военного соперничества двух полюсов в Африке ярко свидетельствуют слова Председателя Комитета Сената США по вооруженным силам Дж. Инхофа. На слушаниях 2 апреля 2019 г. в связи с назначением генерала С. Таунсенда командующим AFRICOM он открыто увязал создание Китаем военной морской базы в Джибути в нескольких километрах от аналогичного, но более крупного американского объекта в этой стране, с подготовкой к Третьей мировой войне [Townsend 2019].

Военное и политическое руководство США уже сейчас рассматривает соперничество в Африке как неотъемлемую часть и региональный аспект глобального противостояния биполярного характера. При этом на африканском театре Китай и Россия сливаются в глазах нынешнего американского истеблишмента в объединенный противоположный полюс. Во внутренних дискуссиях, не ориентированных на внешнего слушателя, американские политики и военные признают однотипность базисных целей «двух по-

люсов» в Африке. На упомянутых выше слушаниях в Сенате командующий AFRICOM генерал С. Таунсенд, согласно стенограмме, дословно заявил следующее: «На африканском континенте цели противников – КНР и России – не отличаются от американских. Это обеспечение экономических интересов и влияния. Следовательно, их цели во вред США. ...Россия пытается вернуться на международную сцену, а Китай стремится к возвышению, но мы должны ясно понимать, что эти цели нам во вред». [Townsend 2019, p. 11, lines 1–10].

Китайский ответ

Спустя полгода после анонсирования «Новой стратегии США» на саммите G-20 Пекин дал публичный ответ. Основные пункты обновленной китайской политики в отношении Африки были доведены до сведения мировой общественности в форме устного выступления и явились дальнейшим развитием положений, ранее сформулированных в совместной декларации сентябрьского саммита 2018 г. Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC).

Прямо не ссылаясь на положения новой стратегии США, Председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с африканскими лидерами на саммите G-20 в Осаке (июнь 2019 г.) тем не менее отметил, что «несмотря на вмешательство отдельных держав, заявленное стремление Китая и Африки к сотрудничеству и обоюдному развитию по формуле *win-win* останутся неизменными, а решимость совместно выстраивать более тесное китайско-африканское сооб-

10 Бэбб К. (2018) США пересматривают свою роль в миротворческих миссиях ООН в Африке // Голос Америки. 14 декабря 2018 // <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-rethinking-peacekeeping-role-in-africa/4700466.html>, дата обращения 31.08.2019.

щество с единой судьбой будет непоколебимой»¹¹.

Однако основной акцент делается Пекином на сотрудничество в области развития, что представляет собой качественно более высокий уровень взаимодействия, чем простые экономические или дипломатические обмены, инвестиции и даже военное сотрудничество. В этом заключается конкурентное преимущество стратегии Пекина в Африке по сравнению с американской.

В Осаке Си Цзиньпин озвучил в развитие решений сентябрьского саммита ФОСАС три предложения африканским лидерам.

Первое – «стать пионерами в области практической реализации стратегии беспроигрышного развития *win-win*» – в практическом плане это предполагает сопряжение проекта «Пояса и пути» с положениями основной общеафриканской долгосрочной стратегии развития, принятой Африканским союзом (АС), – «Повесткой дня до 2063 года» («Agenda 2063»), с Повесткой дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. и национальными стратегиями развития африканских стран.

Второе – двигаться по пути большей открытости и сотрудничества, создавая синергетический эффект для поддержки развития Африки. Явно в противоположность американской стратегии, стержнем которой является обеспечение американских интересов, Си Цзиньпин предложил строить сотрудничество с континентом, исходя из приоритетности интересов африканских стран, добавив, что «любые эгоистичные действия тех, кто ставит в центр всего самого себя и собственную выгоду за счет других, приведут к потере позиций и не найдут понимания»

[Xi Puts forward Three-point Proposal on Developing China-Africa Relations 2019]. Китай же готов поощрять международное сообщество к увеличению его вклада в развитие Африки, во взаимодействии с ООН помогать африканским странам справляться с глобальными вызовами. В рамках этого предложения была высказана новая мысль о возможности трех- и многостороннего сотрудничества в Африке, если его поддержат африканские партнеры.

В-третьих, Пекин призвал страны Африки быть хранителями мультилатерализма и вносить большой вклад в защиту международного порядка, строить развитие на культурном многообразии и инклюзивности, придерживаться в международных делах принципа широких консультаций, совместного участия в усилиях и общих выгодах и демократизации международных отношений.

Принципиально новым для китайской стратегии в Африке стало широкое повествовательное однозначное формулирование позиции КНР как противника протекционизма, односторонних действий, запугивания и «менталитета столкновения цивилизаций», сопровождавшееся призывом к лидерам Африки совместно защищать многосторонность и систему свободной торговли, полностью учитывать законные требования, права и интересы развивающихся стран, особенно африканских, и активно защищать международные равенство и справедливость.

Си пообещал, что Китай выступит в поддержку африканских стран в ООН и других многосторонних структурах, с тем чтобы помочь направить более значимые ресурсы в Африку, в том числе для финансирования соб-

11 Xi Puts forward Three-point Proposal on Developing China-Africa Relations (2019) // Forum on China-Africa Cooperation, July 1, 2019 // <https://www.focac.org/eng/ttxsy/t1677043.htm>, дата обращения 31.08.2019.

ственных африканских миротворческих сил.

Последнее замечание также является пекинским ответом на американскую стратегию «тихого» военного проникновения в Африку под видом обеспечения региональной стабильности и борьбы с терроризмом.

Американской политике «сдерживания через восприятие» Китай противопоставил усиление вовлеченности в решение проблем миротворчества, урегулирования конфликтов. 15 июля 2019 г. в Пекине состоялся Первый китайско-африканский форум мира и безопасности, в работе которого приняли участие представители 50 африканских стран, в том числе 15 министров обороны и начальников генеральных штабов, представители департаментов Африканского союза (АС), занимающиеся вопросами обороны [Opening of the First China-Africa Peace and Security Forum 2019]. Цель форума – обсуждение тематики новых китайско-африканских отношений и китайско-африканского сотрудничества в области мира и инициативы председателя Си Цзиньпина, сформулированной на Пекинской встрече на высшем уровне Форума по китайско-африканскому сотрудничеству в прошлом году.

Хотя военная вовлеченность США и КНР в Африке трудно сравнимы, но в области участия в миротворческих операциях у Пекина наработан значительный опыт. К середине 2019 г. военнослужащие КНР приняли участие в 16 миротворческих миссиях в Африке. В общей сложности 32 000 китайских военнослужащих в разное время пребывали в их составе на территории континента. В настоящее время в Африке в составе таких миссий око-

ло 2000 китайских военных находятся в ДРК, Мали, Судане и Южном Судане. Активно развивается сотрудничество по военной линии с Эфиопией и Кот-д'Ивуаром¹².

Помимо экономической и военно-стратегической составляющих, обе страны борются за умы и души африканцев. Идеологическое соперничество в наши дни приняло форму конкуренции в области «мягкой силы». Этот вопрос получил довольно широкое освещение в отечественной и зарубежной литературе (см., например, [Дейч 2017; Урнов 2019; Bailard 2016; Zhang, Wasser-tan, Mano 2016; Tella 2016] и др., к которым мы и отсылаем читателя).

Выводы

В контексте нарождающейся глобальной биполярности стратегии США и Китая являются антагонистическими программами, основанными на принципиально разных исходных посылах. В стратегии США это противодействие распространению влияния конкурента с помощью жестких, в том числе силовых (при этом не обязательно военно-конфронтационных) действий. У КНР – в условиях минимального выхода на прямую конфронтацию нейтрализовать противодействие США и их союзников расширению позиций Пекина на континенте и свободе взаимодействия с любыми партнерами в Африке.

Открытым остается вопрос о том, является ли идеологическое противостояние необходимым условием для установления полноценной биполярности в мире. Со времен «пингпонговой дипломатии» Киссинджера идеологический антагонизм не только не

12 China Remains committed to Promoting Global Peace, Security: Senior Colonel (2019) // Forum on China-Africa Cooperation, July 29, 2019 // https://www.focac.org/eng/zfgx_4/hpaq/t1684033.htm, дата обращения 31.08.2109.

был препятствием для мирного сосуществования Вашингтона и Пекина, но и мало отражался на их весьма тесном внешнеэкономическом симбиозе.

Теперь, когда глобальный экономический и политический потенциал США и КНР выравнялся, эта проблема снова становится актуальной. Немалое число политиков Запада задается вопросами, пусть не решающими, но важными для определения нового мироустройства как необиполярного. Является ли Китай идеологическим противником? Является ли критерием необиполярности то, что возродившаяся Поднебесная бросает вызов западной идеологии посредством распространения в мире своих ценностей и представлений о преимуществах той или иной политической системы или подходов к проблемам социально-экономического развития? Многие политики видят в победном шествии альтернативной Западу политической модели угрозу постулату о беспорности превосходства западных ценностей, экономической модели, пониманию законности и безопасности.

Все вместе это рассматривается как подрыв существующего миропорядка. Ведь в существующем виде и монополярность и многополярность обеспечивают западным обществам возможность гарантированно получить в глобальных масштабах ряд преимуществ, позволяющих сохранять более высокий уровень жизни населения и социальный мир внутри них. Новая биполярность, скорее всего, еще более сузит для Запада такие возможности по сравнению даже с сегодняшним *status quo*.

Перетекание в течение последних трех десятилетий ощутимой части глобальных ресурсов к «восходящим странам» во главе с Китаем привело к тому, что впервые за послевоенный период нарушилось мироустройство, при котором каждое новое поколение на За-

паде жило лучше, чем предыдущее: дети получали больше возможностей, чем родители. Академик А.А. Дынкин назвал это «разрушением социального контракта». На Западе долгое время существовало убеждение, что рыночные реформы приведут к либерализации политической системы Китая. Этого, очевидно, не произошло, а если и случилось, то не так, как рисовалось на Западе изначально. Известный отечественный ученый-международник считает, что господствовавший до кризиса 2008 г. либеральный универсализм себя исчерпал, и это вылилось в мучительный поиск новой конструкции мирового порядка и нового социального контракта внутри самого Запада [Дынкин 2019].

Китайская модель не только не трансформировалась в ожидаемом направлении. Она оказалась жизнеспособной и конкурентной. Она продолжает собственную независимую эволюцию. Но не с точки зрения привычного Западу механического самокопирования в других государствах, а через реализацию либерального принципа «*live and let live*». Она засасывает и встраивает в себя нужный ей потенциал других стран, не акцентируя внимания на идейных или политических предпочтениях последних. Такая всеядность позволила Пекину не только завоевать крепкие экономические позиции в Африке, но и предложить миру *альтернативную западной модель устройства международных отношений*, которая и может оказаться водоразделом внутри будущей глобальной биполярности.

Текущая африканская стратегия Китая является интегральной частью глобального геоэкономического проекта «Один пояс – один путь». Африканское направление внутри этого мегапроекта одно из ключевых в плане как его философии, так и практической импле-

ментации. Можно сказать, что победное шествие по миру идеи Китая как одного из двух противостоящих полюсов глобальной значимости реально началось именно из Африки. Экономические достижения конца XX в. были чрезвычайно важны и стали базисом для дальнейшего роста влияния страны в мире. Однако геополитически Китай окончательно поднялся в глазах Запада над уровнем региональной восточноазиатской сверхдержавы именно тогда, когда сумел спроецировать экономическую мощь и политическое влияние на сильно удаленный и весьма обширный африканский регион, существенно потеснив и сузив там геополитические и экономические возможности держав-конкурентов.

При этом следует помнить, что в глазах Пекина Африка важна не только своими природными богатствами и возможностями взаимного сотрудничества. Она является южным магистральным направлением создаваемой КНР цепи инфраструктурно-коммуникационных кластеров, создающих единый пояс международного экономического и социально-политического сотрудничества на основе принципа *win-win*, идущий из Азии в Европу по южному коридору. Логично, что лидерство в создаваемом геоэкономическом пространстве Пекин на правах создателя оставляет за собой.

Список литературы

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (ред.) (2016) Африка и национальные интересы России. М.: Институт Африки РАН.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017) Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 9. С. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2018) Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 12. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
- Дейч Т.Л. (2017) «Мягкая сила» как инструмент внешней политики: роль в отношениях России и Китая с Африкой // *Ученые записки Института Африки РАН*. № 3(40). С. 3–17.
- Дынкин А.А. (2019) Будущее уже здесь // *Российская газета*. 17 июня 2019 // <https://rg.ru/2019/06/17/akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoj-valiute-i-o-novoj-mirovoj-ekonomike.html>, дата обращения 31.08.2019.
- Урнов А.Ю. (2019) США и выборы в Африке 2015–2018 годы // *Ученые записки Института Африки РАН*. № 1(46). С. 58–98. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-58-98
- Фитуни Л.Л. (2012) Африка: ресурсные войны XXI века. М.: Институт Африки РАН.
- Фитуни Л.Л. (2017) Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.) // *Ученые записки Института Африки РАН*. № 2(39). С. 3–15.
- Africa's Growing Debt Crisis: Who Is the Debt Owed to? (2018) // *Jubilee Debt Campaign*, October 7, 2018 // <https://jubileedebt.org.uk/report/africas-growing-debt-crisis-who-is-the-debt-owed-to>, дата обращения 31.08.2019.
- Bailard C.S. (2016) China in Africa: An Analysis of the Effect of Chinese Media Expansion on African Public Opinion // *The International Journal of Press/Politics*, vol. 21, no 4, pp. 446–471. DOI: 10.1177/1940161216646733
- Beijing Declaration-Toward an Even Stronger China-Africa Community with a Shared Future (2018) // *The 2018 Bei-*

jing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation, September 5, 2018 // <https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/hyqk/t1591944.htm>, дата обращения 31.08.2019 (in Chinese).

Bolton J. (2018) Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy // The White House, December 13, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/>, дата обращения 31.08.2019.

Brown T.J., Idoine N.E., Raycraft E.R., Hobbs S.F., Shaw R.A., Everett P., Kresse C., Deady E.A., Bide T. (2019) World Mineral Production 2013–17, British Geological Survey, Keyworth, Nottingham.

China-Africa Cooperation Forum – Beijing Action Plan (2019–2021) (2018) // The 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation, September 5, 2018 // <https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/hyqk/t1592247.htm>, дата обращения 31.08.2019 (in Chinese).

China-Africa Cooperation in High-gear, Powering Global Growth (2019) // Xinhua, July 4, 2019 // http://www.china.org.cn/world/2019-07/04/content_74953497.htm, дата обращения 31.08.2019.

China Statistical Yearbook 2018 // National Bureau of Statistics // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/index.htm>, дата обращения 31.08.2019

Fituni L.L. (1989) A New Era: Soviet Policy in Southern Africa // Africa Report, vol. 34, no 4, pp. 63–65.

Foreign Trade. Country and Product Trade Data. Seasonally Adjusted by Selected Countries and Areas (2019) // US Census Bureau // <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/country/index.html>, дата обращения 31.03.2019.

Gamache L., Hammer A., Jones L. (2013) China's Trade and Investment Relationship with Africa // USITC Exec-

utive Briefings on Trade, April 2013 // [https://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa\(GamacheHammerJones\).pdf](https://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa(GamacheHammerJones).pdf), дата обращения 31.08.2019.

Guillemette Y., Turner D. (2018) The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060 // OECD Economic Policy Papers, No. 22, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/b4f4e03e-en

Herrero A.G., Jianwei Xu (2019) China's Investments in Africa: What the Data Really Say, and the Implications for Europe // Forbes, July 24, 2019 // <https://www.forbes.com/sites/aliciagarciaherrero/2019/07/24/chinas-investments-in-africa-what-the-data-really-says-and-the-implications-for-europe/#1c42e5de661f>, дата обращения 31.08.2019.

IMF WEO (2019). World Economic Outlook // International Monetary Fund, April 2019 & update July 2019 // www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019, дата обращения 31.08.2019.

Kagan R. (2018) The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World, New York: Knopf.

New Measures of the “Big Eight Actions” Draw a New Blueprint for China-Africa Cooperation (2018) // The 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation, September 7, 2018 // <https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/zpfh/t1593166.htm>, дата обращения 31.08.2019 (in Chinese).

Opening of the First China-Africa Peace and Security Forum, African Representative Appreciated China's Constructive Role in the Field of Peace and Security (2019) // Forum on China-Africa Cooperation, July 18, 2019 // <https://www.focac.org/chn/zfgx/hpaq/t1681853.htm>, дата обращения 31.08.2019 (in Chinese).

Rempfer K. (2018) In Niger Attack, Risk-taking Culture and Complacency Led to Deadly Ambush // The Military Times, April 26, 2018 // <https://www.mil->

itarytimes.com/flashpoints/2018/04/26/in-niger-attack-risk-taking-culture-and-complacency-led-to-deadly-ambush/, дата обращения 31.08.2019.

Schneidman W., Wiegert J. (2018) Competing in Africa: China, the European Union, and the United States // Brookings Institution, April 16, 2018 // <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2018/04/16/competing-in-africa-china-the-european-union-and-the-united-states/>, дата обращения 31.08.2019.

Shambaugh D. (2015) China's Soft Power Push: The Search for Respect // Foreign Affairs, vol. 94, no 4, pp. 99–107 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push>, дата обращения 31.08.2019.

Snow S. (2017) Mission in Niger Is One Special Forces Have Engaged in 'since JFK' // The Military Times, October 25, 2017 // <https://www.militarytimes.com/flashpoints/2017/10/25/mission-in-niger-is-one-special-forces-have-engaged-in-since-jfk/>, дата обращения 31.08.2019.

Tella O. (2016) A Declining or Stable Image? An Assessment of the United States' Soft Power in Africa // South African Journal of International Affairs, vol. 23, no 2, pp. 156–166. DOI: 10.1080/10220461.2016.1190297

Townsend S. (2019) Hearing to Consider the Nominations of General Tod D. Wolters, USAF for Reappointment to the Grade of General and to Be Commander, United States European Command and Supreme Allied Commander Europe; and

General Stephen J. Townsend, USA for Reappointment to the Grade of General and to Be Commander, United States Africa Command // United States Senate, April 2, 2019, Washington DC. Page 22. Line 12 // https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/19-31_04-02-19.pdf, дата обращения 31.08.2019.

U.S. Geological Surveys (2015, 2016, 2017, 2018, 2019). Mineral Commodity Summaries (for the respective year): U.S. Geological Survey // USGS // <https://www.usgs.gov/centers/nmic/mineral-commodity-summaries>, дата обращения 31.08.2019.

WIPO 2018 IP Services: Innovators File Record Number of International Patent Applications, With Asia Now Leading // https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2019/article_0004.html, дата обращения 31.08.2019.

WIPO IP (2018). Facts and Figures 2018.

World Population Prospects 2019: Data Booklet. ST/ESA/SER.A/424 (2019) // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

Xi Puts forward Three-point Proposal on Developing China-Africa Relations (2019) // Xinhua, June 28, 2019 // http://xinhuanet.com/english/2019-06/28/c_138181845.htm, дата обращения 31.08.2019.

Zhang X., Wasserman H., Mano W. (eds.) (2016) China's Media and Soft Power in Africa. Palgrave Series in Asia and Pacific Studies. DOI: 10.1057/9781137539670

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa

Leonid L. FITUNI

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Professor, Director, Centre for Strategic & Global Studies, Vice-Director Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 125001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

CITATION: Fituni L. (2019) Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Received: 11.08.2019.

ABSTRACT. *The article lays out a hypothesis that the global order slides into a new bipolarity in the context of the escalating geo-economic and geopolitical confrontation between the two poles that currently dominate the world - the United States and China. The neo-bipolar construction cannot yet be regarded as an established new world order, but the general movement of the world economy and international relations in this direction is obvious. The neo-bipolar bipolar confrontation manifest itself with varying intensity in different regions of the world. The author argues that at present the peripheral regions which are strategically important for the prospects of competition are becoming an important testing ground for relatively “safe” elaboration of methods and tactics of geo-economic rivalry and mutual exchange of systemic attacks. Today, Africa has become practically the leading theater of the new bipolar confrontation. The article analyzes the economic, military and strategic aspects of the rivalry between the United States and China on the African continent. It provides*

a comparative analysis of the new African strategies of the two superpowers adopted at the end of 2018. The author asserts that in the context of the emerging global bipolarity, the strategies of the USA and China represent antagonistic programs based on fundamentally different initial messages. In the case of the US strategy, this is to deter by denial the spread of the competitor’s influence using tough policies, including forceful (while not necessarily military) confrontational actions. While China seeks to neutralize the opposition of the United States and its allies to Beijing’s expansion on the continent and to win the freedom of interaction with any partners in Africa causing minimal direct confrontation possible. Therefore, despite the seemingly “peripheral” importance of the confrontation on the continent, for the establishment of a neo-bipolar world order, the proclamation of the new US regional geopolitical strategy, which focuses on the containment of China in the name of protecting democracy and independence, can serve not only for Africa, but for the whole planet the same mile-

stone signal as Churchill's Fulton speech for the final advent of bipolarity in the post-war world.

KEY WORDS: *new bipolarity, neo-bipolar World Order, world economy, theory of international relations, international political science, geostrategic rivalry, Africa, USA, China*

References

- Abramova I.O., Fituni L.L. (eds.) (2016) *Africa and the National Interests of Russia*, Moscow: Institute of Africa RAS (in Russian).
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2017) The Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 9, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2018) The African Segment of Multipolar World: Dynamics of Geostrategic Significance. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 12, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
- Africa's Growing Debt Crisis: Who Is the Debt Owed to? (2018). *Jubilee Debt Campaign*, October 7, 2018. Available at: <https://jubileedebt.org.uk/report/africas-growing-debt-crisis-who-is-the-debt-owed-to>, accessed 31.08.2019.
- Bailard C.S. (2016) China in Africa: An Analysis of the Effect of Chinese Media Expansion on African Public Opinion. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 21, no 4, pp. 446–471. DOI: 10.1177/1940161216646733
- Beijing Declaration-Toward an Even Stronger China-Africa Community with a Shared Future (2018). *The 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation*, September 5, 2018. Available at: <https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/hyqk/t1591944.htm>, accessed 31.08.2019 (in Chinese).
- Bolton J. (2018) Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy. *The White House*, December 13, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/>, accessed 31.08.2019.
- Brown T.J., Idoine N.E., Raycraft E.R., Hobbs S.F., Shaw R.A., Everett P., Kresse C., Deady E.A., Bide T. (2019) *World Mineral Production 2013–17*, British Geological Survey, Keyworth, Nottingham.
- China-Africa Cooperation Forum – Beijing Action Plan (2019–2021) (2018). *The 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation*, September 5, 2018. Available at: <https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/hyqk/t1592247.htm>, accessed 31.08.2019 (in Chinese).
- China-Africa Cooperation in High-gear, Powering Global Growth (2019). *Xinhua*, July 4, 2019. Available at: http://www.china.org.cn/world/2019-07/04/content_74953497.htm, accessed 31.08.2019.
- China Statistical Yearbook 2018. *National Bureau of Statistics*. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/index.htm>, accessed 31.08.2019
- Deych T.L. (2017) “Soft Power” as an Instrument of Foreign Policy: The Role in the Relations of Russia and China with Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, no 3(40), pp. 3–17 (in Russian).
- Dynkin A.A. (2019) The Future is Already here. *Rossiyskaya gazeta*, June 17, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/06/17/akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoj-valiute-i-o-novoj-mirovoj-ekonomike.html>, accessed 31.08.2019 (in Russian).
- Fituni L.L. (1989) A New Era: Soviet Policy in Southern Africa. *Africa Report*, vol. 34, no 4, pp. 63–65.
- Fituni L.L. (2012) *Africa: Resource Wars of the XXI Century*, Moscow: Institute of Africa RAS (in Russian).

Fituni L.L. (2017) A Predictive Analysis of the Role of the Demographic Dividend in Overcoming Structural Imbalances of the Socioeconomic Development in Africa (2015–2060). *Journal of the Institute for African Studies*, no 2(39), pp. 3–15 (in Russian).

Foreign Trade. Country and Product Trade Data. Seasonally Adjusted by Selected Countries and Areas (2019). *US Census Bureau*. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/country/index.html>, accessed 31.03.2019.

Gamache L., Hammer A., Jones L. (2013) China's Trade and Investment Relationship with Africa. *USITC Executive Briefings on Trade*, April 2013. Available at: [https://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa\(Gamache-HammerJones\).pdf](https://www.usitc.gov/publications/332/2013-04_China-Africa(Gamache-HammerJones).pdf), accessed 31.08.2019.

Guillemette Y., Turner D. (2018) The Long View: Scenarios for the World Economy to 2060. *OECD Economic Policy Papers*, No. 22, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/b4f4e03e-en

Herrero A.G., Jianwei Xu (2019) China's Investments in Africa: What the Data Really Say, and the Implications for Europe. *Forbes*, July 24, 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/ali-ciagarciaherrero/2019/07/24/chinas-investments-in-africa-what-the-data-really-says-and-the-implications-for-europe/#1c42e5de661f>, accessed 31.08.2019.

IMF WEO (2019). World Economic Outlook. *International Monetary Fund*, April 2019 & update July 2019. Available at: www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019, accessed 31.08.2019.

Kagan R. (2018) *The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World*, New York: Knopf.

New Measures of the “Big Eight Actions” Draw a New Blueprint for China-Africa Cooperation (2018). *The 2018 Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation*, September 7, 2018. Available at:

<https://focacsummit.mfa.gov.cn/chn/zp-fh/t1593166.htm>, accessed 31.08.2019 (in Chinese).

Opening of the First China-Africa Peace and Security Forum, African Representative Appreciated China's Constructive Role in the Field of Peace and Security (2019). *Forum on China-Africa Cooperation*, July 18, 2019. Available at: <https://www.focac.org/chn/zfgx/hpaq/t1681853.htm>, accessed 31.08.2019 (in Chinese).

Rempfer K. (2018) In Niger Attack, Risk-taking Culture and Complacency Led to Deadly Ambush. *The Military Times*, April 26, 2018. Available at: <https://www.militarytimes.com/flashpoints/2018/04/26/in-niger-attack-risk-taking-culture-and-complacency-led-to-deadly-ambush/>, accessed 31.08.2019.

Schneidman W., Wiegert J. (2018) Competing in Africa: China, the European Union, and the United States. *Brookings Institution*, April 16, 2018. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2018/04/16/competing-in-africa-china-the-european-union-and-the-united-states/>, accessed 31.08.2019.

Shambaugh D. (2015) China's Soft-Power Push: The Search for Respect. *Foreign Affairs*, vol. 94, no 4, pp. 99–107. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-soft-power-push>, accessed 31.08.2019.

Snow S. (2017) Mission in Niger Is One Special Forces Have Engaged in ‘since JFK’. *The Military Times*, October 25, 2017. Available at: <https://www.militarytimes.com/flashpoints/2017/10/25/mission-in-niger-is-one-special-forces-have-engaged-in-since-jfk/>, accessed 31.08.2019.

Tella O. (2016) A Declining or Stable Image? An Assessment of the United States' Soft Power in Africa. *South African Journal of International Affairs*, vol. 23, no 2, pp. 156–166. DOI: 10.1080/10220461.2016.1190297

Townsend S. (2019) Hearing to Consider the Nominations of General Tod D. Wolters, USAF for Reappointment to the Grade of General and to Be Commander, United States European Command and Supreme Allied Commander Europe; and General Stephen J. Townsend, USA for Reappointment to the Grade of General and to Be Commander, United States Africa Command. *United States Senate*, April 2, 2019, Washington DC. Page 22. Line 12. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/19-31_04-02-19.pdf, accessed 31.08.2019.

Urnov A.Yu. (2019) The United States and Elections in Africa (2015–2018). *Journal of the Institute for African Studies*, no 1(46), pp. 58–98 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-58-98

U.S. Geological Surveys (2015, 2016, 2017, 2018, 2019). Mineral Commodity Summaries (for the respective year): U.S. Geological Survey. USGS. Available at: <https://www.usgs.gov/centers/nmic/>

mineral-commodity-summaries, accessed 31.08.2019.

WIPO 2018 IP Services: Innovators File Record Number of International Patent Applications, With Asia Now Leading. Available at: https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2019/article_0004.html, accessed 31.08.2019.

WIPO IP (2018). Facts and Figures 2018.

World Population Prospects 2019: Data Booklet. ST/ESA/SER.A/424 (2019). United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

Xi Puts forward Three-point Proposal on Developing China-Africa Relations (2019). *Xinhua*, June 28, 2019. Available at: http://xinhuanet.com/english/2019-06/28/c_138181845.htm, accessed 31.08.2019.

Zhang X., Wasserman H., Mano W. (eds.) (2016) *China's Media and Soft Power in Africa. Palgrave Series in Asia and Pacific Studies*. DOI: 10.1057/9781137539670